

Кайл Иторр

Последний оплот цивилизации

Кайл Иторр

Последний оплот цивилизации

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170622

Аннотация

Время действия – около 50 лет после Катастрофы. Место действия – развалины Города, последней обители Людей. Смесь фантазмагии с не очень понятно чем.

Содержание

Кривое зеркало	4
Трещина. Лишь в этом наш успех	7
Осколок первый. Чертополох	14
Осколок второй. Ворон	20
Трещина. Есть только миг между прошлым и будущим	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кайл Иторр

Последний оплот цивилизации (фантасмагория)

Были ли они действительно разумными? Хотя бы с их собственной точки зрения? Не знаю и не представляю, как мы сможем когда-либо узнать это.

Если же они НЕ БЫЛИ действительно разумными, то я надеюсь, что никогда не доживу до того времени, когда мы свяжемся с кем-либо, похожим на них, но кто БУДЕТ разумным. Я знаю, кто проиграет. Я. Вы. Так называемая человеческая раса.

Роберт Ансон Хайнлайн «Кукловоды»

Кривое зеркало

Слова эти не описывают того, что случилось.

Они не описывают ничего, да и не могут описать. Слова отражают действительность, но отражение это – искаженное. Кто бы ни был автором слов и сколь бы этот автор ни хотел поведать истину.

И не потому, что истины не существует. Ее и правда не существует, только дело не в этом.

Вполне достаточно и того, что автор вообще есть, того, что реальная картина отражена лишь в его словах. Отражена со столь малой точностью, что даже самое кривое из зеркал по сравнению с его речью – просто-таки эталон правдивого изображения...

Слова клубятся серой пеленой,
Ложась на лист бессмысленной волной.
Тончайшая игра оттенков, красок,
Рифмованный узор, орнамент сказок –
Кому нужны они, коль суть – пуста,
Коль смыслом речи стала Пустота?

О чем писать, когда огонь угас, –
О пепле? (чтоб его не видел глаз!)
О холоде? (будь проклят он вовеки!)
О черном безрассудстве Человека,
Сменявшего себя и свой удел
На чуждый путь незавершенных дел?..

Бесцветной дымкой слов затянут лист,
Что был недавно ясен, бел и чист,
Что обещал в безмолвной красоте
Приблизиться к Великой Пустоте...
Пустой, он полон смысла был; слова
Заполнили его, а суть – мертва.

О чем писать, когда уходят сны, –
О светлых днях ушедшей старины?
О рокоте железного набата
И тех, что были под шумок распяты?
Все это было. Много, много раз;
Сколь мало смысла у затертых фраз...

Сверкает серебро великих Слов,
Слепящих лишь отъявленных ослов;
Лист, мудростью наполненный небес,
Спасает тех, кого попутал бес,
И святость свитка – выше всех вершин;
Воистину, смысл должен быть один.

О чем писать, когда слова – пусты,
И ужас подступающей Черты
Возвышенные речи обращает
В истерику, когда никто не знает,
Что сказанное слово – не вернуть,
Что порождает слов сплетенье – Путь?

Трещина. Лишь в этом наш успех

Граница Разлома. Буро-седой туман, сладкая приторная вонь, горячее дыхание подземелий. Под свинцово-фиолетовой тяжестью небосвода бугрится Стальная Радуга, у подножья которой Разлом исчезает сам собою, как отрезанный.

Глубины Разлома не ведает никто. Поправка: не ведает никто из тех, кому известно слово «глубина» и его значение. То есть никто из людей. Измененные, обитатели бесплодных земель по обе стороны Разлома, словами не интересуются. Как не интересуются они и многим другим, чему нет места в новом мире.

Когда-то говорили «в новом, лучшем мире»; но было это в те далекие времена, когда нового мира еще не существовало, и говорящие могли хотя бы надеяться, что он окажется лучшим... Рожденных в старом мире среди людей уже не оставалось, и все-таки они помнили – лучший мир уже был. Дальше, в будущем, их ожидало только худшее. Измененные же, порожденные новым миром, вообще не задавались такими отвлеченными понятиями, как «лучший» и «худший»...

На краю Разлома вырастает узкоплечая фигурка, недостаток телесной мощи ее обладатель восполняет проворством и неуловимой грацией хищного насекомого. Одежда в грязи, темно-пятнистая зелень вполне соответствует колеру местности. Цепкий и широкий взгляд в одну сторону, в другую.

Ни одного Измененного поблизости нет.

Нетерпеливый жест левой рукой, и разведчик выбирается наружу.

Следом за ним появляется второй, и третий, и четвертый. Эти сложены покрепче, но одеты так же и перемазаны не меньше. У двоих в руках копья, третий бережно прижимает к груди какой-то мешок.

Участок, на котором в прежние времена повесили бы знак «осторожно, обвал». Еще один. Еще... Вот юго-восточный край Болота, почва здесь почти твердая, лучшего места рядом нет. А знак «опасность» здесь и без того поставлен на каждом шагу – в умах тех, кто понимает такие знаки.

До Холма недалеко, там Стена и за ней Измененных можно не опасаться. Беда в том, что как раз в этом «недалеко» они и обретаются, там – их территория, там их не приметить издалека. На Болото даже разведчикам лучше не соваться.

Только выбора у людей нет.

Шкворень отвинчивает наконечник копья, расстегивает ржавую цепь, что носит вместо пояса, и пристраивает лезвие на крайнее звено цепи. По его знаку маленький отряд движется навстречу своей судьбе.

И буквально через несколько секунд нос к носу сталкивается с этой судьбой. С полудюжиной Измененных.

По влажной духоте того, что должно было зваться воздухом, частой дробью бьет музыка. Из развалин на северной окраине Болота звучит голос. Человеческий. Низкий, силь-

ный, словно сплетенный из нескольких других голосов – или же это просто эхо, отражающееся неизвестно от чего...

Нас четверо. Пока еще мы вместе.
И дело есть, и это дело чести.
Девиз наш – все за одного,
И в этом наш успех.

Я задержу их, ничего!
Вперед – один за всех!

Цепь Шкворня хлещет по передним лапам Измененных, и те падают обратно в грязь. Яростный кивок спутникам – двигайте дальше!

И те подчиняются, хотя с боков подступают все новые твари. Потому что – надо.

Ржавчина и грязь летят во все стороны, звенья тяжелой цепи крушат плоть и кости, лезвие в мощном кулаке разит тех, кто подобрался поближе. Потом двоим Измененным удастся поймать цепь, и Шкворень, бросив оружие, срывает с перевязи два топора. Вихрь ударов бушует в такт музыке несколько секунд, затем прекращается. Кучка Измененных смыкается над Шкворнем.

И когда она вновь расплзается по сторонам, человека на том месте уже нет. Ни мертвого, ни живого...

Кочки, бугорки, замшелые камни, ошметки кустарника –

всякое укрытие сгодится. Ползком, перебежками, как можно быстрее и тише люди движутся к спасительной Стене.

Однако на полпути их перехватывает еще одна группа жителей Болота. словно их направляет рожденный в руинах голос:

Уже втроем, уже у нас потери.
Но жизнь – дуэль, чего же мы хотели.
Девиз наш – все за одного,
И в этом наш успех.

Я задержу их, ничего;
Вперед – один за всех!

Ладан перехватывает свое двухконечное копьё обеими руками, дернув подбородком чуть в сторону и вперед – идите, мол. Когда Измененные дергаются в ту же сторону, он всаживает острие под челюсть одному из них, ударом ноги заставляет второго потерять равновесие и обратным движением чертит по шкуре третьего кровавую полосу... Вокруг Ладана смыкается кольцо Измененных, поневоле открывая дорогу его спутникам.

Наконец копьё прекращает свой смертельный танец, и Измененные расступаются. В грязь медленно погружаются пять тел, но ни одно из них не принадлежит Ладану...

До Стены всего несколько шагов.

Но чтобы справиться с засадой, нужно остановиться и отвернуться от спасительного Холма. Иначе удар придется в спину. Спасибо голосу, предупредил. Все-таки человек – всегда человек, пусть даже этот жил еще до Катастрофы...

Увы, мой друг, теперь нас только двое,
Но тоже в нас стремленье роковое.
Девиз наш – все за одного,
Лишь в этом наш успех.

Я задержу их, ничего.
Вперед – один за всех!

Трое Измененных стоят – именно стоят! – менее чем в трех шагах от них, синхронно покачивая лысыми головами. Бусинки-глаза тускло отсвечивают красным, от лба до затылка шкура покрыта мелкими чешуйками.

Дикие, понимают оба разведчика и хмуро переглядываются.

Призрак вздыхает, передает груз напарнику и шагает навстречу своей смерти, щелчком закинув в рот последнее Зерно. Оружия у него нет: волхвы не нуждаются в подобном подспорье...

Воздух между ними плещется волнами и искрит зелено-синей рябью, но этого Скорпион уже не видит. Не разбирая дороги, он рвется к Стене, под эфемерную защиту линии, которую Измененные пересечь не могут. Почему – неясно.

но, да люди никогда и не стремились этого узнать.

Лишь потом Скорпион оборачивается. Там, где Призрак только что схлестнулся с тремя дикими Измененными, нет ничего и никого...

На всякий случай обнажив изогнутый клинок, разведчик начинает подниматься вверх, по крутому склону Холма. Врагов здесь не должно быть, только полагаться на удачу он не может, не имеет права. Слишком важно добиться успеха. Особенно теперь, когда за него заплачено такой ценой.

Неизвестный голос из развалин эхом отзывается на эти мысли:

И вот один, уже друзья далеко,
И трижды проклята моя дорога.
Девиз был – все за одного,
И в этом был успех.

Успех пришел, и никого.
Лишь я, один за всех...

Щербатая кирпичная стена кажется достаточно надежной. Скорпион устало садится, опираясь спиной о стену, кладет сверток на колени и осторожно разворачивает. Печальная улыбка выглядит неестественной на той смеси грязи и ссадин, что заменяет разведчику лицо.

Минута-другая отдыха, и можно двигаться.

Разведчик поднимается и скрывается за поворотом.

Глухой удар; хриплый, булькающий выдох; чуть слышный скрежет.

Болото, развалины и подножие Холма снова погружаются в безмолвие.

Осколок первый. Чертополох

Не знаю, что они там обсуждают на Совете. Чихал я на все это с большой колокольни – то есть чихнул бы, да колокольня год назад раскатилась по камушку, а с ней половина строений на Холме. Тех, что уцелели до того. В последнее время Дрожь – ну, которая эта, как там ее, земле-трясение, – вообще стала довольно частой. Нарушенное Равновесие, объясняют эти вулх... волх... волхвы, так их перетак, на трезвую голову-то и не выговоришь! Братство Дуба; по-нашему, по-простому – дуболомы. Или «кудасники», потому как еще зовут себя кудесниками и вечно всех куда-то посылают. Да, и туда тоже. И ведь приходится идти, никуда не денешься.

Вот и сейчас их главный, Ворон, что-то вовсю «обсуждает» с князем. Вою там – на поле боя, и то как-то спокойнее. Ворон славится своим упорством, да только против Утеса у него кишка тонка. Потому только Город еще хоть как-то стоит, что князь никому и ничему не уступает. Ни стихиям, ни Измененным, ни своим же подданным.

Ладно, у двери явно нечего делать. К сожалению, у окна тоже. По первому разу оно конечно да, все, что по эту сторону Цитадели, видно как на ладони, но я все эти руины, мусорные свалки и кресты заброшенных капищ наизусть знаю. И снизу, и сверху. Не в первый раз стою под дверью у Утеса, жду, когда он соизволит передать очередной приказ. Нужное

дело, кто б спорил... голова много у кого на плечах есть, но если б не приказы, которые князь как-то умудряется отдать именно в тот момент, когда без этого никак, – оно давно бы уже «никак» и было. Как снаружи, за Стеной. Нужное дело, да, но до чего ж оно все-таки нудное!

Ага, никто меня силком сюда не тянул. Сам хотел стать Первым Стражем, верно? Вот именно это я и твержу себе последние два года, с той поры, когда детская мечта осуществилась...

Снаружи – на ристалище под Цитаделью – возня, перебранка, какие-то выкрики. Голоса наших младших, которые оруженосцы... Э, а вот за такие словечки и по зубам отгрести недолго. Ага, так и есть – оплеуха, какой Демона свалить можно. А сейчас молодежь уже готова на смертоубийство, хорошо, что во Внутреннем Городе из оружия только палки дозволены. Ну да и палкой можно отделать – мало не покажется. Этому и учим.

Сейчас посмотрим, чему научились.

Уййй... Да что ж ты творишь, сопляк! Натаскиваешь его, разъясняешь, показываешь, но свою голову ведь стервецу не приставишь, чтоб на рожон не лез... Волчонок быстр, ловок, да и смелости ему не занимать, только не с его силенками пока сражаться ТАК, грудь в грудь, один на один! Ага, конечно, Костолом – свой брат-оруженосец, годами они вровень. Но ведь он оруженосец Великанши! Это рядом с ней Костолом маленький и хлипкий, а с кем другим – так взрос-

лым не уступит, о сверстниках-ребятне и говорить нечего. Сейчас будет избиение младенцев.

Вот паскудство...

Подоконник жалобно скрипит – ничего, выдержал. Второй этаж, примерно восемь метров. Для меня нормально, прыжок как прыжок.

Приземляюсь вполне удачно, особенно при том, что прямо под окном сидит Великанша. Как я ее сверху не заметил? не иначе старею прежде срока, глаза слабеют. Не заметить ЕЕ – оно, пожалуй, потруднее, чем заблудиться в собственной кровати. Одиннадцать пудов и два с половиной метра ослиного упрямства, а под белыми (но не седыми) вихрами изрядная порция черного юмора, – в этом вся Великанша. Мне что ломом, что ее мечом ворочать, а Великанше такая оглобля как раз по руке.

Она младше меня на пару лет, но уже достаточно давно в рядах лучших бойцов Города. Кто из нас лучший, кто второй, кто пятый – на тренировках все одно не выяснить, а «объективный рейтинг» по числу убитых Измененных от дежурства к дежурству скачет туда-сюда. Давно бросили считать.

Кивнув в сторону ристалища, Великанша замечает:
– Тебе, похоже, придется искать нового оруженосца.

Голос у Великанши низкий, для ее размеров неожиданно мягкий. Лицо воительницы по выразительности не уступает гранитной плите, но это добрый знак. Когда крупные белые

зубы Великанши сверкают в радостной улыбке – пора убираться, ибо их хозяйка почуяла запах крови и желает немедленно и сразу получить удовольствие, и если кто-то сунется под руку, упомянутая гранитная плита станет надгробной. Даже Демоны – Измененные из Бездны – успели усвоить сию нехитрую истину.

От предстоящего поединка ничего хорошего для Волчонка я не жду, но упрямства ради отзываюсь:

– Не думаю. Кое-чему он выучился за последние пару недель. Победить Костолома вряд ли сумеет, но уцелеть – вполне.

– Посмотрим, Чертополох, – кивает она. – Что ставишь?

– Я на мели. Разве что в счет следующего месяца.

– А как насчет меча Скорпиона?

– Никогда! – отрезаю я.

Ладонь, похожая на дружелюбную сковородку, слегка нажимает мне на левое плечо. Да, пожалуй, тон следует снизить – Великанша очень не любит, когда на нее орут. Самому Утесу такое не позволено, а меня она шлепком и в землю может вогнать. Хорошее успокоительное средство. Сильное. Не каждый после такого выживет.

– Ладно, нет так нет. Но ведь твой брат погиб, а хорошему оружию не следует лежать без дела.

– Дело для него есть. Ты этого клинка не получишь.

Великанша слегка улыбается. Так, еще чуть-чуть, и пора нырять в перекат и удирать со всех ног, пока буря не утихнет.

Бегаю-то я быстрее.

– Что, думаешь отдать Волчонку?

– Да. Если заслужит... и если доживет до посвящения.

– А вот сейчас и выясним.

Перевожу взгляд на мальчишек. Самое время.

Костолом держит палку так, как и следует держать учебный деревянный меч; Волчонок почему-то перехватил свою за середину, словно собирается применить технику боевого посоха. Оно конечно неплохо бы, так работать быстрее, но ведь палки одинаковые, а у Костолома и руки подлиннее, и удар потяжелее... и самого его щелчками не проймешь.

Но пожалуй, парень действительно знает, что делает. Удар, еще удар, блок, удар, обвод, финт, удар – хорошо увернулся, грамотно. Так, в бедро, по ребрам, пригнуться под деревянный «меч», блок запястья, назад, уходи из захвата – ушел, молодец, Волчонок, моя школа, – блок, да не так, так ты не выдержишь, он куда сильнее, – еще раз, под дых, не попал, ничего, сбоку, в голову, отбил, а теперь финт, по запястью, разворот и под колено!

Грозный оруженосец Великанши спотыкается и грузно падает.

Тотчас же на голову Костолома обрушивается уже прицельный удар с двух рук; ну точно деревом по дереву. Ага, проняло.

Увидев, что Костолом закатил глаза и отрубился, зрители-оруженосцы радостно визжат. Великанша задумчиво

хмыкает.

– Пожалуй, это достаточно серьезная заявка. А у тебя талант учителя, Чертополох.

Вслух я не возражаю.

Хотя как никто другой знаю: ЭТОМУ я Волчонка еще не учил!..

Осколок второй. Ворон

Спокойствие, только спокойствие; терпеливая, упругая сила дубовых корней, которые способны раздвинуть собой самую твердую горную породу. И внутри кипит не гнев, а жизненные соки. И я не трухлявая колода и не пень кочевряжный, а вековой дуб.

О, князь одарен сверх всякой меры, он как никто умеет выводить людей из себя и приводить туда, куда задумал Утес. Но со мной ему не совладать. Кудесники – это не кто попало, нам из себя выходить никак нельзя, а то на километр в округе ничего не останется.

А жаль. Если б сосредоточить все, что выйдет, на конкретном Утесе...

– Ну так что, Ворон, ты сделаешь это? – шипит князь.

– Не вижу нужды, – холодно отвечаю я. – Старая Обитель, скорее всего, давно разрушена. Если она вообще когда-либо существовала. Пробиваться за Разлом и еще невесть куда, чтобы выяснить это... нет, если тебе это так нужно, пожалуйста: дай задание Людоеду с Великаншей – они тебе эту Обитель на блюдечке принесут.

– Не явись эта новая орда, так бы и приказал, – выдохнул Утес, – только задание они бы получили – разрушить там все, что уцелело, чтобы подобные тебе не думали о себе невесть чего!

Я улыбаюсь – холодно, не разжимая губ. Твоя взяла, князь. Сейчас придется уступить. Но в следующий раз я сравняю счет.

– Давай так, ты даешь охранников, я – кудесника. Объединенный отряд имеет шансы на успех.

– Шансы? Мне не шанс нужен, а результат!

– Его и получишь. – Насколько я помню, отрицательный результат – тоже результат, не правда ли?

Утес прекращает бушевать и начинает прикидывать, взвешивать варианты, строить планы. Для этого он даже соизволил подойти к макету Города, что установлен прямо в зале. Макет грешит некоторыми неточностями, но для стратегических расчетов князя вполне пригоден – по эту сторону Разлома. Увы, Обитель находилась далеко к югу от него, а ту часть Города даже самые отчаянные из разведчиков не посещали уже лет десять...

– Да знаю я, знаю, здесь много чего не так как надо нарисовано, – отмахивается Утес, почувствовав направление своих мыслей (эх, какой кудесник мог бы из него получиться!). – Нету лучшей карты. Даже для разведчиков нету. Придется действовать наугад, методом проб и ошибок. А одна ошибка уничтожит всю группу.

– Значит, ошибок не должно быть, – делаю вывод я. – Кудеснику я дам все инструкции, а уж со своими воинами сам разбирайся.

– Я-то разберусь. Это не твое дело.

– Кто спорит? Просто хочу быть уверенным в том, что в критический момент Великанша опять не наснет строить теории на тему боевого искусства Измененных.

– А ее и не будет в отряде. – Улыбается князь как угодно, но только не благожелательно. – Пойдет Чертополох. Молодежи там не место, а других бойцов больше нет. Послал бы Скорпиона, но – увы. И зачем только ты его отправлял к Разлому?..

– Как раз за тем, что и добыла группа. За Золотым Кристаллом. И ведь уже ушел, и Стену пересек!.. Не повезло парню, обидно.

– Ни один кристалл не стоит того, чтобы...

– Стоит, Утес, поверь – еще как стоит. Дотащи Скорпион его сюда – один волхв-ученик заменил бы две трети всей нашей обороны. Силу не стоит недооценивать.

– Ворон, Сила – она в человеке, а не в хреновинах из невесть какого прошлого.

– Подписываюсь под такими словами. Сила – в человеке. Кристалл – это простой – ну хорошо, не очень простой, – инструмент, вроде твоей любимой булавы. Ты же не считаешь, что сила бойца – в его оружии?

Утес что-то ворчит себе под нос, но не возражает. Еще бы. Кем-кем, а дураком князь никогда не был.

Под Цитаделью толпились стражи, кого-то с чем-то поздравляли. Белая шевелюра Великанши плыла более чем на

полметра поверх прочих голов.

Эх, ребята, знали б вы, как мне вас жаль... князь скоро отправит бойцов на дело, потому что так нужно. Он знает, что нужно, и я знаю. Но в отличие от Утеса, я еще и знаю, что вернуться суждено не всем. Что жертвы – тоже нужны... и нет никакой уверенности, что результат будет стоить этих жертв. Вон как со Скорпионом и его группой вышло. Старались ради других, честно старались, а итог – увы.

Я, Ворон, глава Братства Дуба, личность жестокая и безжалостная, кое-кто даже не причисляет меня к роду человеческому. В общем-то оно так и есть. Ни жалости, ни снисхождения, ни мягкости – не могут нынешние волхвы этого себе позволить, и я меньше всех. Мне потому вас жаль, ребята, что у нас уже давно нет ни лишних людей, ни лишнего времени на их подготовку.

Во время оно «людей» власть имущие числили одним из государственных ресурсов, где-то на равных с провизией, временем, металлом и прочим. Я и теперь считаю так же, люди – это ресурс. Вот только запасы его в Городе очень малы, а потребность все так же велика... и по-хорошему, тратить этот слабовосполнимый ресурс полагалось бы лишь в крайнем случае.

Но по-хорошему не получается. А все потому, что каждый случай ныне крайний...

Обычно тропа вдоль Урочища безопасна, ночью Изме-

ненные почти не двигаются с места, а днем здесь им негде укрыться от солнца. Но сегодня день выдался пасмурный. Дозоры, конечно, усилили, но каждый метр перекрыть невозможно. И вот здрасьте-пожалуйста: пара Измененны пробралась. Не думаю, что ждали они именно меня, просто навстречу попался...

Нет уж, спасибо, в крепкие объятия к этим тварям пусть кто другой лезет. Беркут, Великанша, Людоед – эти могут с Измененными бороться и без оружия, а обычного человека твари надвое разорвут. Хоть дважды кудесника. Росту Измененные невеликого, метра полтора с хвостиком – вот только они в ширину почти такие же. По-людски с таким сложением не порасхаживаешь, да они и не стараются: все больше ползком, на четвереньках, или вприпрыжку на манер гигантской неуклюжей лягушки. Волос нет, кожи под слоем грязи почти не видно, шкура толще и прочнее людской кожи, но вполне поддается оружию, главное – ударить и самому под удар не попасть. Хорошие бойцы это умеют, а плохие нынче не выживают.

Вот только не все Измененные столь просты, иногда в них просыпаются странные, воистину дикие таланты... так похожие на искусство Братство, скрытое от простых смертных...

Я отступаю к стене, готовый юркнуть в щель. Хоть бы это были простые твари, «амбалы»: от них там и с моим невеликим умением можно отбиться, дожидаться помощи. Не палкой, разумеется, но квадратным Измененным в узком про-

ходе не развернуться, а моему граненому штыку много места не нужно. Если совсем худо обернется, просто дам деру. А вот если это «дикие», дело дрянь...

Надеяться не вредно.

Вредно чересчур сильно верить этой надежде. Хорошо, что оно не в моих правилах.

Полная черных клыков пасть распаивается как чемодан, испуская низкий, пробирающий до костей рев. От звукового удара Измененного кирпич пошел трещинами, а я на ногах устоял только потому, что умею, когда очень надо, отключать слух. Кто умеет слышать неслышимое, обязан уметь и НЕ слышать то, чего услышать не желает. К счастью, успел. К несчастью, второй Измененный это понимает, что-то недовольно рывкает и ползет вперед, выщелкивая из передних лап кривые когти. Штык острее и сантиметров на десять длиннее, однако сия мысль успокаивает очень слабо.

Выхода нет.

Черт.

Рука ныряет в карман. Зерен осталось не так много, новые будут только на следующий год, если вообще будут: Бездна распространяется и оранжерея уже на четверть нависает над обрывом... в любой день может рухнуть, и тогда – совсем все.

Раздавить зерно в пальцах, коснуться клейкой сердцевинны кончиком языка, остальное размазать в ладонях.

В крови вспыхивает огонь, кожа на руках наливается яр-

кой краснотой, и такими же, знаю, сейчас становятся глаза. Измененные приостанавливаются – наверняка решили, что лучше бы поискать иную добычу... нетушки, милые мои, это вы теперь – добыча, жаль, не слишком достойная, но я зерен зря не трачу, так что с паршивого Измененного хоть шкуры клок.

Смыкаю ладони перед собой, широко шагаю вперед и невидимым двуручным мечом наношу косой удар снизу вверх, а потом второй – наискось сверху вниз. Рубиновый рощерк разваливает обеих тварей лучше самого острого клинка. До Катастрофы, говорил Книжник, тоже было такое оружие – «лазер», – но воины больше доверяли ружьям, мол, пуля надежнее. Можно поверить. Ружья я видел живую, в Арсенале еще пяток сохранился, а лазер на рисунках в архиве. Действительно надежнее, но зерна у нас пока есть, а из старого оружия стрелять уже много лет как нечем. И как их делать, эти пули, сам Книжник не мог сказать...

Когда огонь успокаивается и кровь снова становится кровью, я устало опираюсь на палку. Надежная, тяжелая, с удобной резной рукоятью. Многие зовут ее волшебным посохом и боятся почти как меня. Остолопы, да что с них возьмешь... В этой палке волшебства не больше, чем во мне сейчас.

Так, ладно, с трупами возиться – удовольствие то еще. Увижу дозор, скажу; оттащат к себе, там и оприходуют. Шкура, когти, кости – что можно, пойдет в дело, остальное в Бездну. Проверю только, нет ли чего совсем уж необычного...

Ой. ЭТО еще... что? как? почему?..

«Это» свалилось с шеи Измененного, когда голова твари упала в грязь. Простенький кусочек зеленой от старости меди, на ржавой цепочке.

Нательный крестик.

Трещина. Есть только миг между прошлым и будущим

Чудом сохранившаяся лестница. Висящая на одной петле полусгнившая дверь; намертво застрявшая в проеме ржавая железка засова.

Ревущий снаружи ветер постоянно пытается ворваться внутрь, и не может, хотя в окнах давно уже нет не только стекол, но и деревянных рам; кирпичи стен выщерблены так, что дом, кажется, развалится от первого же хорошего пинка.

Эта дверь – единственная, которая осталась сравнительно целой. Странно: многие другие были сделаны из металла – но от них и следа нет. Эта же, хотя и висит на одной петле, еще способна называться дверью, да только некому ее так называть.

Щелчок. Замыкание. Разрыв в потоке времени и Ткани Существования. Какая теперь разница – одним больше, одним меньше...

Под фоновый аккомпанемент статических разрядов звучит печальная музыка, и голос человека, умершего много лет назад, поет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.